

А.А.Галкин

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ЦЕННОСТНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ МОТИВАЦИЙ

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, национальное самосознание, национализм

Некоторое время назад прогнозисты, считающие себя политологами, столкнулись с казавшимся неожиданным феноменом. Глобализация, отвоевавшая устойчивые позиции в торговле, финансах, промышленном производстве, информационной сфере и некоторых других областях общественной жизни, не привела к сколько-нибудь существенному размыванию массовых национально-государственных ориентаций. Напротив. В немалом числе случаев, особенно при критических обстоятельствах, вместо такого размывания наблюдалась их очевидная активизация. Это дает все основания полагать, что при разработке соответствующих прогнозов и основанных на них сценариев был проигнорирован (или, по меньшей мере, недооценен) немаловажный фактор.

Представляется, что таким фактором выступает национально-государственная идентичность. Несмотря на ряд работающих против нее объективных обстоятельств, она проявила (и проявляет до сих пор) недюжинную устойчивость, оставаясь важной составной частью массового общественного сознания.

**Истоки
устойчивости
национально-
государственной
идентичности**

В чем же истоки такой устойчивости? Назову некоторые, наиболее очевидные.

Во-первых, за столетия существования исторически сложившихся наций образовались национальные экономические пространства, обеспечивавшие условия, необходимые для развития производства и становления приемлемого уровня жизни. Правда, сейчас, под влиянием глобализации, герметичность этих пространств начала размываться. Тем не менее их роль все еще значительна — даже там, где национальные государства вошли в состав более широких объединений.

Во-вторых, в пределах национальных государств сформировалось правовое и общественное устройство, значение которого не только сохранилось, но в ряде случаев даже возросло. В качестве примера можно сослаться на роль этого устройства в удовлетворении социальных потребностей граждан. Глобализация торговли, финансов, производства и т.д., как известно, не сопровождалась глобализацией институтов,

способных обеспечить создание действенной наднациональной социальной инфраструктуры и, соответственно, защиту социальных интересов тех, кто в ней нуждается. Эти функции выполняют — и будут выполнять в обозримое время — национально-государственные органы. Поэтому их сохранение отвечает коренным интересам подавляющего большинства людей.

На базе национальных сообществ возникли и укрепились современные политические режимы. Их основу составляют институты и процедуры. Создание аналогичных институтов и процедур на глобальном уровне пока даже не просматривается. Следовательно, заинтересованность в таких институтах и процедурах (а она имеет массовый характер) неразрывно связана с привязанностью к национальным общностям, объединенным в государства.

В-третьих, наличие национально-государственного организма долгое время рассматривалось (и рассматривается) как гарантия защиты от внешних посягательств. Относительный характер подобной гарантии очевиден. История возникновения и существования нынешних наций была в то же время историей войн — и за сохранение, и за расширение национальных территорий. Но, как известно, все познается в сравнении. Чувство безопасности в рамках сильного национального государства всегда было большим, чем в ситуации племенной, феодальной и иной раздробленности. И это обстоятельство прочно зафиксировано в исторической памяти народов.

В-четвертых, за многие десятилетия (а то и столетия) существования национальных общностей в каждой из них сложилось устойчивое единство ценностных установок, образа жизни, языка и культуры. Разумеется, такое единство не абсолютно. В некоторых национальных общностях сохранились элементы исходной этнической основы, в том числе отчетливые влияния идущих из глубины веков поведенческих традиций. То же можно сказать и о культуре. В полиэтничных государствах, наряду с общенациональным языком, обычно представлены региональные языки и диалекты. Образ жизни во многих государствах в значительной мере зависит от места проживания и социального статуса людей, а также от экономического положения того или иного региона. И все же, как правило, общие характеристики доминируют над частными.

Если говорить об устоявшихся европейских нациях (не в территориальном, а в культурно-цивилизационном смысле), то не стоит забывать, что, несмотря на этническую специфику, они с самого начала обладали определенной степенью сходства: в конечном счете речь шла о том или ином сочетании романских, германских, кельтских и славянских начал. Важную роль в их становлении сыграли духовно-религиозные установки утвердившихся на континенте христианских конфессий. Их влияние на этот процесс было различным. В целом, однако, принадлежность к одной и той же церкви минимизировала препятствия на пути слияния этнических и племенных единиц в то, что, с рядом оговорок, можно было считать целым. Во многих случаях

эта принадлежность скрепляет национально-государственную идентичность и поныне.

Немалую роль в сохранении уже существующих наций играет и противоречивый характер глобализации, которая (по крайней мере, на ее нынешнем этапе) не только способствует размыванию границ, маркирующих сферы функционирования национальных конгломератов, но и косвенно содействует их упрочению.

Как известно, любые крупномасштабные общественные сдвиги имеют социальную составляющую. Одни затронутые ими нации попадают в категорию выигравших, другие оказываются в числе проигравших. На нынешнем этапе глобализации подобное членение особенно очевидно. Выиграли главным образом наиболее развитые экономически страны и опирающиеся на них крупные финансово-промышленные комплексы. Проиграли менее развитые государства, в первую очередь насильственно глобализируемые, для которых движение к целостной системе мироустройства обернулось вестернизацией с присущими ей огромными материальными и социальными издержками.

Взросшая взаимозависимость национальных экономик, при всех ее несомненных плюсах, привела к усилению нестабильности финансовых систем и промышленного производства. Болезненнее всего это отразилось на странах, не входящих в зону «золотого миллиарда», и прежде всего на тех, чье отставание от наиболее развитых в промышленном отношении государств, несмотря на все усилия, осталось прежним или даже возросло. В большинстве из них последствия этой нестабильности проявились в примитивной и потому особенно очевидной форме.

Все это, в свою очередь, породило глубокое недовольство самой глобализацией. Во многих странах она начала восприниматься (и не без оснований) не столько как объективно обусловленный процесс, сколько как разновидность внешнего эгоистического насилия. Одним из проявлений этого недовольства стала более интенсивная ориентация на сложившуюся (или еще только воображаемую) нацию как оплот сопротивления негативным глобализационным процессам.

Аналогичную роль сыграла стимулируемая глобализацией болезненная ломка складывавшихся веками общественных отношений, политических институтов, культурных традиций и стереотипов поведения многих сотен миллионов людей в странах, не относящихся к европейской цивилизации.

Динамика

Как и другие элементы общественного сознания, национально-государственная ориентация при всей ее укорененности подвержена колебаниям. В своем естественном, а значит, обычном состоянии она находится на нижних этажах такого сознания. Высокая интенсивность и гипертрофия подобной ориентации, как правило, присущи лишь сравнительно незначительной, маргинальной части общества.

Понятно, что описанное положение вещей характерно лишь для стабильных, успешно развивающихся общественных систем, не подвергающихся существенному внешнему давлению. В иных случаях ситуация заметно меняется.

Исторически степень интенсивности национально-государственной ориентации в решающей степени зависела (а в ряде регионов и зависит) от завершенности процесса формирования национальных государств. Если для завершения данного процесса требовались дополнительные усилия, в том числе связанные с преодолением встающих на пути препятствий, интенсивность и жесткость такой ориентации значительно превышала показатели, считающиеся нормальными в других странах. Когда же формирование завершалось и сопряженные с этим задачи получали решение, она приобретала более гибкий и умеренный облик.

Аналогичную роль играл (и продолжает играть) уровень внутренней и внешней конфликтности. При высоком уровне конфликтности ориентации на нацию и государство существенно возрастают. Усилению данной тенденции способствует то обстоятельство, что в указанной ситуации у правящих верхов возникает соблазн попытаться снизить накал противоречий, порожденных другими причинами, переключив внимание общественности на национальные проблемы. Если же внутренние противоречия разрешаются и потребность в мобилизации национального фактора отпадает, национально-государственная проблематика теряет доминирующее значение и оттесняется на задний план.

Учитывая множество переменных, влияющих на динамику национально-государственных ориентаций, невозможно выделить общие, исторически выверенные тенденции, задающие и характеризующие свойственную им эволюцию. Тем не менее определенные закономерности здесь вполне просматриваются.

В большинстве стран Западной и Центральной Европы, достигших минимально необходимого уровня стабильности, национально-государственные ориентации, порожденные реальной внешнеполитической угрозой, потеряли существенную часть эмоционального заряда. Сохранив содержательное ядро, эти ориентации пополнились набором иных ценностей, во многом приглушивших взаимные предубеждения, настороженность и недоброжелательность.

В восточноевропейском ареале под воздействием внутренних противоречий, не полностью отрегулированных внешних взаимных претензий, а также прошлых обид и недоразумений национально-государственные ориентации, напротив, завоевывают все новые позиции, причем нередко в крайне жесткой форме. Весьма показательна в этом смысле ситуация на Украине, где под влиянием совокупности как исторических, так и текущих обстоятельств «национальный вопрос» (а следовательно, и национально-государственная ориентация) приобрел чрезвычайной острый, болезненный характер.

На других континентах, в странах, отставших в развитии, страдающих от последствий глобализации и прогрессирующей нестабильности, подобные ориентации не только сохранили традиционное содержание, но и, судя по всему, набирают силу. Это относится прежде всего к странам, расположенным на Азиатском и Африканском континентах, и так называемому «исламскому миру» в целом.

Особое место в этом отношении занимают Соединенные Штаты. Совокупность причин, превративших их в мощную военную державу, распоряжающуюся на обширных территориях далеко за пределами своих границ и традиционных сфер влияния, способствовала интенсивному наполнению их внешней политики мессианским духом. Отсюда характерная для США фантастическая и крайне опасная для них самих ориентация на господство над остальным миром («рах Americana»).

Идея такого господства ущербна не только потому, что чревата истощением ресурсов претендующей на эту роль державы. Ее уязвимость обусловлена и тем, что она игнорирует особую чувствительность и повышенную реактивность национально-государственных ориентаций, а следовательно, и массового поведения обществ, подвергшихся внешнему давлению. Даже тень покушения на их национальную независимость, не говоря уже о действиях, воспринимаемых как оскорбление национального достоинства, вызывает последствия, которые выходят далеко за пределы, определяемые первопричиной.

Национальное самосознание и национализм

Очевидно, что длительное существование наций, их роль в историческом процессе, возникновение и утверждение национально-государственных ориентаций оказали глубокое влияние на общественно-политическое сознание народов, формируя всю его толщу, включая глубинные слои. Проявлением такого влияния стало становление того, что принято именовать национальным самосознанием. Со временем это самосознание превратилось в один из базовых аспектов осмысления общественного бытия.

В разных странах, в зависимости от обстоятельств, роль национального самосознания была и остается различной. Иногда оно доминирует, иногда — отходит на второй план. При этом, однако, оно повсеместно сохраняет свое значение осознанной оценки характерных черт и особенностей общности, воспринимаемой как нация, ее прошлого, настоящего и будущего, ее отличия от других наций — и, соответственно, ее места в сообществе народов. Отсюда и заметная роль национального самосознания в системе многих более частных ценностей, определяющих предпочтения и поведение граждан.

Известно, что национальным самосознанием нередко злоупотребляют. Его то и дело используют как эффективное средство мобилизации масс на те или иные действия, угодные властным структурам. Для этого его обычно подгоняют под пригодную для решения таких задач схему.

Приемы, которые используются в этих целях, не очень сложны. Как свидетельствует историческая практика, любая общественная идея отражает не только реальный опыт и интересы общности, которая ее формулирует и выдвигает, но и иллюзии, свойственные массовому сознанию. Уязвимым местом национального самосознания всегда был неизменно сопутствующий ему соблазн, отстаивая интересы своего народа, подчеркивая его потенции и заслуги, абсолютизировать эти качества и, соответственно, приписывать ему особую роль, возвышающую его над другими народами. А это, в свою очередь, создает благоприятную почву для злоупотреблений.

Все это, однако, не дает оснований рассматривать национальное самосознание как нечто нежелательное или заведомо негативное. Как и любые другие элементы общественного сознания, оно — объективно обусловленная реальность, которая выполняла и выполняет важные позитивные функции, способствуя экономическому и социально-политическому развитию общественных организмов, их ценностной и культурной сплоченности и, в конечном итоге, выживанию в сложном и противоречивом окружающем мире. Вместе с тем оно гарантирует сохранение многообразия и разноцветья мира, которым все очевиднее угрожают гипертрофированные унификационные процессы.

Эти объективные функции придают национальному самосознанию дополнительную прочность. На протяжении минувших столетий оно не раз терпело поражения в столкновении с другими глобальными ценностными установками, овладевавшими умами миллионов людей. Но, как показывал последующий ход событий, во всех этих случаях национальным самосознанием были проиграны лишь отдельные битвы, но не решающие сражения. Менялись обстоятельства, возникали новые реалии, и оно вновь демонстрировало свою значимость, становясь не менее влиятельным, чем прежде.

Но это только одна сторона дела. Есть и другая.

Национальное самосознание нередко отождествляют с национализмом. Такое отождествление представляется неправомерным. Вопреки всем манипуляциям, которые совершают с данным понятием, национальное самосознание — это прежде всего отражение (на уровне осмысления) существования исторически сложившихся общественных организмов, обладающих устойчивой спецификой и интересами. Национализм же — паразитирующая на национальном самосознании политическая идеология, отличительной чертой которой является безоговорочная ориентация на заимствованные из прошлого агрессивные формы мышления и поведения.

Рассмотрим эту сторону дела чуть подробнее.

На политическом уровне национальное самосознание может сочетаться с различными идеологическими системами. При определенных обстоятельствах оно в состоянии инкорпорировать всю основную совокупность либеральных ценностей. Вполне возможно, вопреки бытующим представлениям, сочетание национального самосознания

с системой левых взглядов. Но на практике чаще всего приходится сталкиваться со слиянием национальной идеи с крайними формами традиционного правого консерватизма. На этой основе обычно и образуется тот идеологический гибрид, который принято именовать национализмом. Не случайно в политическом лексиконе понятие «национализм» соседствует с понятием «правый радикализм». Более того, нередко они вообще воспринимаются как синонимы.

Чтобы убедиться в этом, достаточно освежить в памяти ключевые установки идеологии консерватизма.

Главная из них — ориентация на прошлое как на утраченный «золотой век». К этой ориентации непосредственно подверстывается взгляд на человеческую личность как на несовершенный продукт творения, «сосуд греха», нуждающийся, ради собственного блага, в твердой руководящей руке. На это, как на стержень, нанизываются все остальные установки, присущие консерватизму. Так, из описанного отношения к человеческой личности вытекает преимущественно негативная оценка разума, равно как и веры в безграничность его возможностей, трактуемой как гордыня, заводящая человечество в тупик.

Идеологии консерватизма свойственно также решительное отрицание принципа равенства в любых его формах. Эта позиция обосновывается не только тем, что люди различны по своим биологическим и психологическим характеристикам. Она исходит и из того, что несовершенство и греховность человеческой природы делают необходимым вычленение (или целенаправленное формирование) группы людей, способной подняться над обыденностью, приблизиться если не к совершенству, то к более высокому состоянию, а следовательно, призванной взять на себя бремя руководства обычными людьми.

Несовершенство человеческой природы обуславливает, согласно консервативным взглядам, потребность в строго пирамидальном построении общественных структур. Оно, в свою очередь, предполагает потребность в лидерах, наделенных особыми полномочиями (в одних случаях идущими от потусторонней силы, в других — от способности выразить нужды общества), а также в системе управленческих, идеологических, религиозных и иных институтов, жестко контролирующих рядовых граждан. Отсюда и такие производные установки, как ориентация на беспрекословное следование установленным в прошлом нормам, правилам поведения и запретам, а также особое значение, придаваемое исполнительности, дисциплине, порядку.

С этим связана и своеобразная трактовка консерваторами понятия свободы. В отличие от тех, кто рассматривает ее как естественное право любого индивида, консерваторы считают свободу достоянием немногих избранных, «аристократии духа». Другим она не только не нужна, но и попросту вредна.

Достаточно, адаптировав описанные выше подходы, адресовать их другим народам, выделив свою нацию как избранную, свободную

от всевозможных пороков, как тут же вырисуются главные составляющие идеологии национализма.

О близости, если не идентичности идеологий национализма и традиционного правого консерватизма свидетельствует и то, что их сближение носило во многом двусторонний характер.

Первоначально консерватизм в его определяющей, европейской версии был враждебен национальной идее. Исходно консерваторам было свойственно негативное отношение к формированию национальных государств. Они ориентировались на сохранение или возрождение наднациональных империй, обозначая свою позицию как универсализм. Нации рассматривались ими как детище Просвещения, а значит — смертельный враг консерватизма. В XVIII в. борьба между консерватизмом и либерализмом развертывалась как раз на площадке «универсум—нация».

Однако начиная с XIX в. подход консерваторов к этой проблеме стал меняться. Некогда поносимое ими национальное самосознание (тогда оно именовалось национальной идеей) было спешно инкорпорировано в систему ценностей консерватизма. Одновременно в нее была внедрена неумеренная глорификация всемогущего национального государства. Тем самым главное различие между национализмом и традиционным консерватизмом оказалось снято.

Чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с некоторыми ключевыми тезисами теоретиков правого консерватизма первой половины XX в.

Наиболее заметными из них являются немецкие мыслители Карл Шмитт и Освальд Шпенглер. Большой вклад в состоявшийся поворот внесли также активизировавшиеся в те годы правые политические публицисты, называвшие себя «младоконсерваторами».

В многочисленных работах Шмитта, опубликованных после 1920 г., четко прослеживаются две взаимосвязанные мысли. Первая из них — это необходимость не просто сильного, но всевластного национального государства, влияние которого должно стать всепроникающим, охватывая экономику, образование, культуру, религию и все остальные сферы общественной жизни. Такое государство, доказывал Шмитт, не должно допускать внутри страны деятельности сил, раскалывающих его и мешающих ему осуществлять свои функции¹.

Вторая мысль состояла в том, что ради повышения эффективности всевластного национального государства необходимо максимально ослабить влияние индивидов и общественных структур на государственные институты. Всемогущество государства не должны ограничивать никакие «формальные или моральные табу». Национальное государство, сумевшее преодолеть «нейтрализацию», Шмитт называл «тотальным». Именно в нем, по его убеждению, и будет достигнуто «тождество государства и общества, не безучастное ни к какой предметной области, потенциально всякую предметную область захватывающее»².

¹ Schmitt 1940: 186.

² Schmitt [Schmitt] 1992: 38—40.

Шпенглер, первоначально воспринимавшийся главным образом как автор популярного философско-публицистического трактата «Закат Европы», эволюционировав к консервативному экстремизму, тоже обратился в ярого сторонника жесткой иерархической национально-государственной системы, покоящейся на строжайшей дисциплине и предполагающей беспрекословное подчинение лицам, стоящим на более высокой иерархической ступени³.

³ *Spengler 1933.*

Свойственный консерватизму элитаризм приобрел у Шпенглера откровенно расистский характер. «Существуют народы, сильная раса которых сохранила свойства хищного зверя, народы господ-добытчиков, ведущие борьбу против себе подобных, народы, представляющие другим возможность вести борьбу с природой с тем, чтобы затем ограбить и подчинить их»⁴. Это, по мнению Шпенглера, вполне естественно, как естественно и то, что к числу народов, сохранивших свойства хищного зверя, относятся в первую очередь немцы.

⁴ *Ibid.: 54.*

Один из наиболее известных «младоконсерваторов» немецкий публицист Артур Мёллер ван ден Брук всячески превозносил национализм как консолидирующую общество силу. Он одним из первых сформулировал концепцию «консервативной революции», призванной материализовать стремление граждан к переменам, направив их в русло консервативно-националистической системы ценностей. Важнейшая задача такой «революции», с точки зрения Мёллера, заключалась в том, чтобы положить конец демократии — этому детищу «либеральных хамелеонов». Парламентскую систему, согласно его взглядам, следовало заменить сословной, существующие политические партии разогнать. Их место должны были занять новые массовые движения, способные объединить общество и быть одновременно и национальной, и социальной силой⁵.

⁵ *Moeller van den Bruck 1923.*

Впоследствии арсенал идей, выдвинутых Шмиттом, Шпенглером и «младоконсерваторами», был заимствован нацистами и составил ядро их идеологических построений. Весьма показательным и то, что многие консервативные деятели Германии и Италии примкнули к политическим силам, стоявшим на этих позициях, или оказали им поддержку. Симпатии к радикалам фашистского типа проявляли консервативные идеологи и политики и других стран, в том числе тех, которые вскоре стали жертвами нацистской агрессии.

Новые импульсы

Как уже отмечалось, к числу причин, вызвавших и стимулировавших активизацию национально-государственных ориентаций, а соответственно, национального самосознания и паразитирующего на нем национализма, следует отнести ту форму глобализации, которая реализовывалась на протяжении истекших десятилетий. Действительно, именно она, безжалостно разрушив традиционные производственные, поведенческие и культурные основы многих государств, именовавшихся в недавнем прошлом странами «третьего мира», и не создав при этом

минимально необходимых щадящих прокладок, привела в «броуновское движение» сотни миллионов обнищавших и отчаявшихся людей. Одни из них в поисках спасения хлынули в большие города, осев там, как правило, в трущобах, в условиях, мало пригодных для нормальной жизни. Другие направились в дальние, более развитые, казавшиеся привлекательными страны, образовав в них многочисленное инородное и нередко социально дискриминируемое меньшинство.

На социально-психологическом уровне в структуре общественного сознания тех и других прочно утвердилось представление, что вину за произошедшее несут «чужеземцы». Отсюда укоренившаяся, вне зависимости от конкретных обстоятельств, склонность отвергать все, что выглядит привнесенным извне, будь то взгляды, образ жизни, поведение в быту, тип одежды и т.д. В случаях, когда национально-государственная идентичность представителей соответствующих общностей еще не сложилась, в их ориентации доминирует своеобразный религиозный универсализм (преимущественно исламского типа). В иных ситуациях верх берет ориентация на национальное самосознание.

Но у описываемого процесса есть и другая сторона — негативная реакция автохтонного населения на массовый приток выходцев из иных цивилизаций, приверженцев иных конфессий, особенно очевидная в тех случаях, когда приезжие образуют сплоченное национальное меньшинство, не проявляющее готовности к ассимиляции, а нередко и к соблюдению правил поведения, принятых в стране нового пребывания. Немалую роль в нарастании такой реакции сыграло то обстоятельство, что мощный приток иммигрантов совпал с усложнением экономической и социальной обстановки в странах — объектах иммиграции, одним из существенных следствий которого стало сужение рынков труда, а значит, и обострение конкуренции в сфере занятости.

Подобное недовольство, обозначаемое в специальной литературе как «новый национальный вопрос», нашло практическое воплощение в участившемся настороженном отношении коренных граждан к «чужакам», порой перерастающем в откровенную нетерпимость, проявляемую не только в быту, но и на общественном уровне. Все более заметной стала тенденция к превращению нормального национального самосознания в неприкрытый национализм. Соответственно, укрепились позиции праворадикальных политических партий. Под ставшие «модными» новые настроения все чаще подстраиваются ищущие популярности деятели ряда других партий.

В качестве ответа на наплыв иммигрантов власти стран, особенно пострадавших от обострения «нового национального вопроса», начали ужесточать законы, регулирующие иммиграционные потоки. Основной смысл такого ужесточения заключался в том, чтобы отделить «нужных» иммигрантов от «лишних», закрыв для последних все лазейки, позволяющие преодолевать правовые барьеры и запреты. Однако на практике наиболее очевидным результатом более жестких законов пока остается лишь резкое увеличение доли нелегальных пришельцев.

Некоторые страны, ставшие объектом массовой иммиграции, видят выход в том, чтобы вывести из «тени» уже проникших в них нелегалов. Предполагается, что подобная мера приведет к исчезновению иммигрантского подполья, ликвидировав тем самым внутреннюю среду, стимулирующую нелегальную иммиграцию и способствующую ее укоренению. Оправдаются ли эти ожидания, сказать пока трудно. Последствия предпринимаемых шагов еще не определились.

Но массовая миграция, если внимательно приглядеться, не единственный импульс, активизирующий национальное самосознание и паразитирующий на нем национализм. В том же направлении, как ни парадоксально, действует межгосударственная интеграция — конечно, если с ней обращаются недостаточно аккуратно.

Будучи естественным и необходимым следствием процессов, происходящих в современном мире, интеграция неизбежно предполагает передачу на наднациональный уровень части государственных функций. Понятно, что такая передача вступает в противоречие с национально-государственной ориентацией, свойственной большинству граждан. Чтобы снять это противоречие, необходимы убедительные свидетельства того, что данная мера приносит несомненную и непосредственную пользу. Пока речь идет о компетенциях чисто экономического толка, искомый результат достигается относительно просто. Иное дело компетенции социального и политического плана. Их передача обычно воспринимается населением куда болезненней, поскольку выглядит как существенное ущемление национального суверенитета. Причем польза от подобного шага далеко не всегда очевидна.

Если не учитывать этого обстоятельства, можно «невзначай» спровоцировать мощный всплеск национального самосознания и тем самым дать дополнительную пищу национализму. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на динамику роста евроскептицизма в ряде стран Евросоюза.

Интеграция может воздействовать на национальное самосознание и в другом плане. Недостаточно взвешенное делегирование социальных и политических функций государства на наднациональный уровень при определенных условиях способно постепенно размывать национально-государственную ориентацию граждан. В многонациональных государствах при не полностью отрегулированных отношениях между этническими общинами подобное размывание нередко стимулирует региональное этнонациональное самосознание, подготавливая почву для постановки вопроса о создании собственной государственности, то есть стимулирует всплеск этнонационализма.

Дополнительный вклад в оживление национализма вносит происходящая ныне перегруппировка сил на мировой арене. Страны, испокон веков слышавшие отстающими, покинув исторически сложившееся «гетто», претендуют на новый, более солидный политический статус. Это побуждает их, в частности, стимулировать рост национального

самосознания населения своих стран, что со временем начинает сказываться как на внутренней, так и на внешней политике.

Занимаются этим и государства, теряющие прежние позиции в мире. Для них стимулирование такого самосознания как в пределах своих границ, так и в соседних странах служит излюбленным средством противостояния реальным или потенциальным конкурентам. При этом в союзники зачастую берутся самые крайние проявления национализма.

**Современный
национализм:
содержательная
оценка**

Изложенное выше дает основания предположить, что вопреки предшествующим предсказаниям XXI в. (или, по крайней мере, его первая половина) будет временем серьезного оживления национализма. Это делает необходимым хотя бы вкратце очертить его современный облик.

Как и любая идеологическая система, национализм гибко приспосабливается к меняющимся обстоятельствам. Это в полной мере относится к обоим главным цивилизационным ареалам национализма, которые можно условно определить как азиатско-исламский и европейский.

На ситуацию в первом решающий отпечаток наложило более позднее формирование современных наций. Поэтому вплоть до последней трети XX в. в национальном самосознании и, соответственно, национализме там преобладали черты, сходные с теми, что доминировали в аналогичных процессах в Европе в XVIII—XIX вв.: вторичность консервативных влияний, относительная светскость, готовность к частичному восприятию либеральных и даже левых взглядов. Сейчас этот подход почти повсеместно оттеснен на периферию. То, что именуется ныне азиатско-исламским национализмом, представляет собой совокупность крайних форм религиозного консерватизма, пытающегося подменить нечетко вырисовавшееся национальное самосознание искусственным исламским «универсализмом».

Обратившись к европейскому цивилизационному ареалу, тоже можно обнаружить ряд существенных перемен.

1. Если раньше европейский национализм действовал, как правило, в территориально ограниченных масштабах, хотя время от времени его вспышки накладывали отпечаток и на ход мировых событий, то сегодня он приобрел чуть ли не глобальный характер (при том что конкретные его проявления во многом зависят от специфики страны или региона).
2. Национализм европейского типа в том виде, в каком он существовал в прошлом, более или менее адекватно отражал потребности общественного, в том числе экономического, развития — прежде всего необходимость консолидации общества в рамках единого государственного организма, преодоления общинной, клановой и иной раздробленности. Его современные версии противостоят

объективным тенденциям общественного развития — экономическим, политическим и культурным процессам, растущей взаимозависимости человечества.

3. Национализм, который можно определить как традиционный, выступал не только средством вычленения общности, осознающей себя нацией, но и способом ее интеграции — объединения далеко не идентичных этнолингвистических групп. У современного национализма (за некоторыми исключениями) интегрирующая функция если не исчезла, то, по меньшей мере, отеснена на второй план. Ставка на формирование нации путем интеграции разнородных общностей заменена идеей этнической самодостаточности, выделения совокупности лиц по признакам этнической и лингвистической принадлежности.
4. Перенесение упора с идеи нации на идею этноса как инварианта внесло серьезные коррективы в целевые установки и методы националистических движений. Главной целью старого национализма европейского типа являлась культурная и лингвистическая интеграция общности, рассматриваемой как нация, и поскольку основным способом достижения такой интеграции считалась ассимиляция, готовность к ней и реальное продвижение в этом направлении чаще всего снимали дискриминационные барьеры на пути экономической, социальной и иной мобильности. Нынешние же версии европейского национализма со свойственным им упором на этническую сторону вопроса воспринимают ассимиляцию не как форму национальной интеграции, а как маневр, призванный подорвать нацию изнутри. При таком подходе национальная интеграция, по сути, отождествляется с вытеснением «этнически чуждого элемента» путем изгнания либо даже физического уничтожения. В этом смысле непосредственными предтечами современного национализма можно с полным основанием считать германских национал-социалистов с их ориентацией на расовую «чистоту крови».

Вместе с тем у обеих разновидностей этого идейно-политического феномена имеются и общие черты. Прежде всего это органическая склонность к экстремистским формам реализации своих ценностных установок, включая попрание элементарных норм человеческого бытия.

Наиболее вероятный сценарий развития межнациональных (межэтнических) отношений в любом государстве в случае утверждения в нем националистически ориентированного руководства, как свидетельствует опыт, выглядит следующим образом.

Неспособность установить нормальные отношения с национальным меньшинством создает напряженную внутриполитическую атмосферу. Дискриминация части населения в различных сферах порождает у нее чувство отчужденности от политической системы и государственности в целом, постоянно провоцируя сопротивление и тем самым создавая массовую базу для крайних форм протеста. При этом особенно

высокая степень напряженности возникает тогда, когда жертвой ксенофобии оказываются компактные группы выходцев из других стран, считающих данную территорию своей исторической родиной. Реакцией на такую напряженность обычно становится нарастающая враждебность этнического большинства, его переход на шовинистические позиции и, соответственно, ослабление политических движений, традиционно противостоящих национализму.

**Российский
сценарий**

Все вышесказанное имеет прямое отношение к российской ситуации, несмотря на всю ее специфику.

По ряду причин, анализ которых выходит за рамки настоящей работы, в последние десятилетия прошлого века национально-государственная ориентация и национальное самосознание русского населения, составляющего этнический стержень Российской Федерации, оказались существенно слабее, чем во многих других странах. Поэтому националистическая волна, захлестнувшая в годы перестройки национальные окраины Советского Союза, почти не затронула его. Более того, значительная его часть проявляла в то время терпимое отношение к перспективе отпадения от страны национальных окраин, которое воспринималось как «оздоровление», «очищение» России от иждивенцев, тормозящих ее продвижение к лучшему будущему. Особенно отчетливо подобные настроения просматривались применительно к закавказским и среднеазиатским республикам.

При этом напряженные отношения с ведущими западными державами, как правило, связывались не столько с геополитическими, сколько с идеологическими противоречиями, а потому казались легко преодолимыми. Большие надежды возлагались, в частности, на то, что прекращение идеологического противостояния откроет двери для широкомасштабной помощи России со стороны Запада и это сразу же скажется на жизненном уровне ее граждан.

В соответствии с этим вплоть до начала 1990-х годов определяющим для внешнеполитической ориентации значительной части русского населения России было позитивное отношение к западным державам, и прежде всего к США. Очень многие видели в них доброжелательных партнеров, бескорыстных друзей и образец для подражания.

Национальное самосознание как форма мунастроений начало вновь созревать и укрепляться лишь позднее. Решающую роль в этом сыграла нереализованность массовых ожиданий, на которую дополнительно наложилось все более очевидное ущемление национального достоинства народов России, идущее извне. В итоге прежние симпатии стали сменяться недоверием, нередко переходившим во враждебность. Первоначально это было лишь тенденцией. Но она проявляла устойчивую склонность к нарастанию.

Набиравшие силу изменения последовательно подпитывались утвердившейся на Западе специфической трактовкой окончания

«холодной войны» как тотального поражения Советского Союза. Подобная трактовка, в свою очередь, порождала представление о появлении «бесхозного» постсоветского пространства, которое может быть «освоено» извне путем проведения энергичного наступательного курса. В духе этого представления и сформировалось пренебрежительное отношение к национальным интересам России, рассматривавшееся как своего рода норма.

Разумеется, эту позицию разделяли не все западные страны и не все политические круги. Тем не менее тон стали задавать те, кто рассчитывал на беспомощность «низвергнутого колосса» — и, соответственно, на соблазнительные богатые трофеи.

Наибольшей популярностью в этих кругах пользовались три сценария обращения с постсоветской Россией.

Первый, наименее жесткий (и самый лицемерный), можно условно назвать «мессианским». Базируясь на оценке «урезанной» России как нецивилизованной и отсталой, он предполагал назидательно-попечительское поведение, нацеленное на «изменение народного менталитета» через избавление его от «имперских иллюзий» и внедрение в сознание населения западных ценностных установок. Соответственно, имелось в виду утверждение в России общественно-политического устройства, представляющего собой кальку с западных моделей, как залога приобщения ее к новому миропорядку в роли «мальчика на побегушках» у «цивилизованного мира».

Второй, более откровенный, принимая за основу постулаты первого, исходил из целесообразности их закрепления путем решительно-вытеснения новой России не только из Восточной и Юго-Восточной Европы, но и из постсоветского пространства. Наконец, третий предусматривал активизацию усилий, направленных на дальнейшее расчленение России, что подразумевало негласную, а в ряде случаев — и открытую поддержку сепаратистских тенденций.

Поскольку часть названных сценариев удалось осуществить на деле, обусловленное ими первоначальное отношение к России правящих элит Соединенных Штатов и ряда их союзников в своей основе сохранилось и в первые десятилетия XXI в., несмотря на явное укрепление позиций России на мировой арене. В связи с этим упомянутая выше тенденция продолжала получать необходимую подпитку.

Негативную реакцию, обострявшую чувство ущемленного национального достоинства, порождали в русском народе и иные события истекших десятилетий, в том числе нигилистическое отношение к национальным интересам страны внутренних политических сил, причислявших себя к демократам, а также антироссийская направленность политики отдельных государств, некогда входивших в состав Советского Союза⁶.

В этих условиях национальное самосознание продолжало укрепляться, хотя внешние формы его реализации оставались преимущественно пассивными. Для того чтобы оно активизировалось, требовался

⁶ См. Дробизжева [Drobizheva] 2001, 2003; Паун [Pain] 2004.

мощный дополнительный стимул. И он появился. Его роль сыграли острый системный политический кризис на Украине и совокупность порожденных им событий (насильственное свержение законно избранного президента, утверждение у власти политических сил, опирающихся на поддержку воинствующих ультранационалистов, решительная реакция на это населения Крыма и Севастополя и присоединение их к России, вооруженная борьба жителей Донбасса против новой центральной власти и т.д.), накаливших обстановку на всем европейском континенте.

Россия не могла не реагировать на происходившее в исторически близком ей государстве, связанном с ней множеством взаимных договорных обязательств. В свою очередь, Соединенные Штаты, используя сложившуюся ситуацию и осуществляя выработанные ранее геополитические планы, инициировали серию экономических и политических атак на Россию. Их очевидной целью было вынудить ее изменить свой подход к событиям в граничивших с ней регионах, публично признав тем самым отказ от права на защиту своих государственных интересов. Атаки сопровождались рядом оскорблений и прямых угроз безопасности РФ. Реакция подавляющего большинства ее населения была адекватна первопричине. Накопившееся пассивное национальное самосознание тотчас активизировалось, приняв форму безоговорочной поддержки позиций действующей власти и ее внешнеполитического курса.

О политических последствиях произошедшего сдвига много говорилось и писалось. Немало копий сломано в дискуссиях о степени устойчивости перемен в массовом общественном сознании. Очевидно, что ответ на этот вопрос все еще находится в сфере предположений. Тем не менее некоторые соображения на этот счет уже возможны.

Общественные настроения, как показывает опыт, подвижны, причем в условиях, когда в основе таких настроений лежат эмоциональные факторы, подвижность эта обычно возрастает. И поскольку экономика России пребывает не в лучшем состоянии, небывало высокий уровень поддержки нынешней российской власти может в обозримом будущем заметно снизиться.

Однако последствия подобного поворота событий вряд ли способны внушить оптимизм. Ослабление поддержки действующей власти отнюдь не равнозначно размыванию активизировавшегося национального самосознания, устойчивость которого, как правило, выше, чем у многих других составляющих общественного сознания. А в данном случае эта устойчивость подкрепляется тем, что в основе такого самосознания лежит не только эмоциональный подъем, но и зрелые десятилетиями ценностные установки.

Остыв в своей приверженности действующей власти, сохранившееся национальное самосознание будет искать других, ценностно близких партнеров. И это в стране, где по ряду причин укоренился и доминирует бытовой и ценностный консерватизм. В случае их вполне

реального слияния может образоваться мощная националистическая амальгама, способная не только демонстрировать на улицах, но и претендовать на утверждение во власти, а значит, натворить в стране таких бед, от которых не удастся избавиться за много десятилетий.

Признаки подобного сценария пока маргинальны. Они просматриваются лишь на периферии политического пространства. Тем не менее упускать их из виду опасно, а следовательно — недопустимо.

Библиография

Дробижева Л.М. 2001. Этничность в современной России: этнополитика и социальная практика // *Россия: трансформирующееся общество*. — М. [Drobizheva L.M. 2001. Ehtnichnost' v sovremennoj Rossii: ehtnopolitika i social'naja praktika // *Rossija: transformirujushheesja obshhestvo*. — М.].

Дробижева Л.М. (ред.) 2003. *Социология межэтнической толерантности*. — М. [Drobizheva L.M. (red.) 2003. *Sociologija mezhehtnicheskij tolerantnosti*. — М.].

Паин Э.А. 2004. *Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России*. — М. [Pain Eh.A. 2004. Ehtnopoliticheskij majatnik: Dinamika i mekhanizmy ehtnopoliticheskikh processov v postsovetskoj Rossii. — М.].

Шмитт К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. № 1 [Schmitt C. 1992. Ponjatie politicheskogo // *Voprosy sociologii*. № 1].

Moeller van den Bruck A. 1923. *Das dritte Reich*. — Berlin.

Schmitt C. 1940. *Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923—1939*. — Hamburg.

Spengler O. 1933. *Politische Schriften*. — München.